

ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

IZVESTIA: HERZEN UNIVERSITY JOURNAL
OF HUMANITIES & SCIENCES

Санкт-Петербург

№ 172
2014

«МАРТОВСКИЕ ИДЫ» В РУССКОЙ ИСТОРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ КАК ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Идея социального развития — историческая поступательность — проявляется в сфере индивидуального ответственного выбора. Опыт восприятия «символической хронологии» нередко ориентирован на единство удаленных по времени событий, принимаемых субъектом действия в качестве внутренних точек сравнения. Пушкинская формула: «Вот Кесарь — где же Брут?..» как образец перформативного высказывания в отечественной истории не раз выступала побудительным примером, могла легко интерпретироваться как программа потенциального поступка.

Ключевые слова: эстетика истории, эгодокумент, мемуаристика, «Idibus Martiis», терроризм, царевубийство, поступок.

L. Letyagin

«The Ides of March» in Russian History: Historical scenarios as a behavioral model

The article analyzes the events of Russian history the participants of which chose as a precedent (historic norm) of their terrorist actions the murder of Caesar, the perfect conspirators led by Brutus and Cassius. The analysis is based on the material of memoirs of XIX–XX centuries.

Keywords: aesthetics of history, self-history, memoirs, «Idibus Martiis», terrorism, regicide, action.

Жизненный опыт человека — «непосредственно воспринимаемый» и «чувственно переживаемый» — неизбежно проходит через процедуры эстетической верификации.

Не вписываясь в универсальную типологию (а по существу, отрицая возможность ее построения), «частное наблюдение», индивидуальный взгляд, опыт «пережитого и про-

чувствованного» не нуждаются более в своей исследовательской реабилитации. В системе академического знания произошло то, что можно назвать «эстетизацией гносеологии» (З. Г. Минц), опытом построения «субъективной герменевтики» (К. Г. Исупов). Мемуары и — шире — «литература факта» все активнее заявляют принципиальные права на понимание динамики больших процессов, определяя методологический поворот от разрозненных эгодокументов к построению целостной эгоистории [14–18; 30; 31].

Любая историческая типология представляет нечто большее, чем последовательность рядоположенных фактов. Как система ценностных координат она не может ограничиваться внешней характеристикой процессов. Для уточнения теоретических аспектов эстетики истории принципиально значимым представляется опыт субъективных оценочных процедур, т. е. понимание того, каким образом формы социальной реальности нашли непосредственное отражение в сознании современников. Прежде всего, это относится к акциональному фону культуры — к его малозаметным ценностным подвижкам. Именно в индивидуальной «логике» закономерно искать ответ на вопрос, как соотносятся идеалистическое рассмотрение события и его понимание реалистическое, прагматическое, утопическое и, наконец, эстетическое. Внутренние точки сравнения мотивируют собственную версию исторической поступательности, что отражается в особенностях индивидуальной рецепции, соответствующей «оптике восприятия», на принципах событийной фокусировки. В этом плане «личные смыслы» истории, система внутренних оценок претендуют на свою степень заинтересованности, предлагают свои критерии объективности.

Ракурс субъективной правды прошлого выявляет особую мотивацию «временных сцеплений», которая не столь очевидна в ситуации исследовательской вненаходимости. Смысл исторических закономерностей

постигается, как правило, ретроспективно. Полемизируя с известным тезисом, Ежи Лец (в «*Myśli nieuczesane*») говорил, что *история не повторяется, но нередко рифмуется*. В обыденном мышлении в вереницу отбираемых фактов происходит невольное «встраивание» идеи. Это принципиально отличает профанный взгляд на хронику происшествий от эстетизированной позиции «включенного сознания». Условием ритмической организации процессов выступает система сопоставимых ценностных величин, выбор действенных точек сравнения, позволяющих выявить неочевидные связи и обратить внимание на ускользающие проекции «естественного» хода событий. «Сегодня — случай, вчера — случай; так уж выходит не случай, а — закон», — писал В. Розанов [25, с. 432].

Исторический прецедент актуален как социальный образец, ценностный «подстрочник». Примеры, когда ассоциативный формат события оказывается на него сознательно сориентирован, в мировой практике представляют особый случай. Убийство Юлия Цезаря, осуществленное заговорщиками во главе с Брутом и Кассием в день мартовских ид 44 года до н. э., несомненно, выполняло специфическую «зачинательную» функцию, предопределив внутреннюю трактовку многих последующих политических актов. С этого момента «тираноборчество» начинает представлять собой устойчивую поведенческую модель, историческая востребованность которой определялась вне прямой зависимости от типологических характеристик эпохи.

Событийный след культуры выверяется «вехами» имен и событий. Стремление приурочить замышляемый политический акт к «памятной дате» в глазах инициаторов выступает ассоциативным подтверждением легитимности действий, залогом успеха в предпринимаемой ими попытке. Общим критерием выступала сила возвышающего обряда, когда основанием событийной интриги становилось не только намерение участни-

ков, но и его соотнесенность с историческим масштабом прошлого.

Так в 1851 году поступает Наполеон III (в оценке П. Виардо и Тургенева — «преступник 2 декабря»), осуществивший государственный переворот в годовщину победоносной битвы Наполеона Бонапарта при Аустерлице (1805 г.). Так в 1858 г. поступит бывший член «Молодой Италии» Феличе Орсини, совершая покушение на Наполеона III. Сближение дат и событий, не имея объективной исторической мотивации, выступало одной из побудительных «пружин заговора», что находило оправдание в субъективной логике действующих лиц. (Именно это позволило А. Герцену в одной из публикаций «Колокола» особо отметить «трагический героизм Орсини»; оправдательный смысл, наряду с эмоциональной оценкой террористического акта, приобретала «глубина» исторических ретроспекций: «покушениями Пианори и Орсини мстила Италия, мстил Рим...») [9, с. 468].

В отечественной истории «классический» пример представляли «вторые первомагартовцы» (группа П. Шевырева — А. Ульянова, 1887 г.). Их намерение определялось не стратегическими соображениями, а прежде всего «энергетикой повтора».

Любой злоумышленный акт, проходя через процедуру ролевой верификации, изменяет свой содержательный потенциал, открывая путь к нивелировке принципиальных отличий, когда смысл «политического убийства» и «исторической казни», по существу, приравнялись. Покушение на «особу монарха», т. е. фигуру *сакральную*, подчеркивало символический статус замышляемого акта. В событийной завязке действия в этом случае присутствует уже не столько умысел, сколько Промысел, а *цареубийственный кинжал* занимает свое «законное» место в арсенале актуальных исторических атрибутов. Именно поэтому в описании весьма отдаленных друг от друга событий обращает на себя внимание пугающее совпадение исторических подробностей и деталей.

Список «русских Брутов» представляет собою крайне условную и неоднородную историческую номинацию, объединившую людей с взаимоисключающими личностными характеристиками и принципиально различной мотивацией «злоумышленных» действий. Общим могло быть одно: ориентированность на исторические примеры повышала для них статус любого противозаконного акта. В ценностном «повороте» от обычной поведенческой роли к выполнению (пред)определенной миссии актуализировалась фразеологическая риторика (Тираны мира! Трепещите!..), побуждая к акциональному воплощению самых радикальных поведенческих идиом.

Не в полной мере до настоящего времени оценен «ассоциативный масштаб» террористического акта Дмитрия Каракозова. В ряду распространенных мнений, создававших «известный общественный фон для покушения» на Александра II, особого внимания заслуживает свидетельство Земфиры Ралли (его непосредственная причастность к деятельности народовольческих кружков и степень посвященности выступают важным критерием реалистичности выдвинутой им версии. Выражаю признательность Т. В. Шоломовой за указание на этот редкий мемуарный источник. — Л. Л.). Главной причиной выстрела у Летнего сада 4/16 апреля 1866 г. рассматривалось желание Каракозова приурочить исполнение «давнего плана» к годовщине трагического ранения президента Авраама Линкольна (14 апреля 1865 г.): «люди, никогда не думавшие посягать на жизнь государя, болтали об этом повсюду, и вся Москва знала фразу убийцы Линкольна: *Sic semper tiranis!*..» [24, с. 139] (*историческая латинская фраза в мемуарах З. Ралли приводится в некорректном написании.* — Л. Л.). Абсолютным совпадением с днем трагического ранения А. Линкольна (с учетом датировки по старому и новому стилю) становится покушение на Александра II народовольца А. Соловьева — 2/14 апреля 1879 г. Формула «*Sic semper tyrannis!*» — ее

дословное цитатное повторение — не только связывала друг с другом современные политические преступления, но и выступала смысловым звеном с убийством Цезаря.

С марксистских позиций данную проблему комментировал Г. В. Плеханов: «Говорят, что мартовские иды неблагоприятны для тиранов. И если бы наука раз навсегда не осудила астрологических суеверий, то можно было бы “с фактами в руках” доказывать, что тираны, единоличные и коллективные, имеют полное основание трепетать не только в течение мартовских ид, но и в продолжение всего месяца, посвященного Марсу. <...> Приходится <...> признать, что месяц март всякому не беззаботному насчет политики человеку напоминает о целом ряде таких исторических событий, которые были и надолго останутся в высшей степени интересными не только для ученого, стремящегося обнаружить причинную связь общественных явлений, но и для деятеля, старающегося извлечь из них практические уроки» [23, с. 117].

Прошлое всегда воспринималось как актуальный ролевой ресурс, и в мировой классике представлен значительный арсенал сюжетов для построения возможных «диалоговых» моделей. Герои древности, имена и поступки которых приобрели нарицательный смысл, воплощали силу побудительно-го примера. Образ Брута, «убийцы-идеалиста» (А. Берне), принадлежит к числу наиболее устойчивых поведенческих концептов, наделенных яркими суггестивными характеристиками (этот факт в «Сравнительных жизнеописаниях» был отмечен еще Плутархом).

Поворот от случайного и акцидентного к причинному и закономерному включает в сферу «символического обмена» любое рядовое происшествие. По отношению к избираемой «исторической роли» личные характеристики нивелировались, так как «примеривание» чужой ситуации было ориентировано на цельность исторического образа и не предполагало сравнительных оце-

нок — нельзя быть (воспринимать себя) Брутом в большей или меньшей степени. В своих воспоминаниях княгиня Д. Х. Ливен отметит характерный эпизод последнего года жизни Павла I: «В одном из припадков подозрительности, не щадившей ни собственной семьи, ни собственных детей, император как-то после обеда спустился к своему сыну, великому князю Александру, к которому никогда не заходил. Он хотел поймать сына врасплох. На столе между другими книгами Павел заметил перевод “Смерти Цезаря”. Этого оказалось достаточным, чтобы утвердить подозрения Павла. Поднявшись в свои апартаменты, он разыскал историю Петра Великого и раскрыл ее на странице, описывавшей смерть царевича Алексея. Развернутую книгу Павел приказал графу Кутайсову отнести к великому князю и предложить прочесть эту страницу...». [33, с. 181]. Оппозиция «Петр — царевич Алексей» выступала симметричной формой ответа к сюжетной линии «Цезарь — Брут», на что обратил внимание еще Вольтер. С этой затаенной мыслью до последнего дня будет жить император Павел. За четыре дня до убийства он доверительно признавался гр. П. А. Палену: «хотят повторить 1762 год» [33, с. 139].

11 марта 1833 года, после ежегодной панихиды, которую в день убийства императора Павла I служили в Петропавловском соборе, его внук цесаревич Александр написал в дневнике: «Обедал один с моими бесценными родителями, и тут Папа мне рассказал, как императрица Екатерина заставила Петра III низложиться, как он был убит Орловым в Ропше, как она вошла на престол, обходилась с Павлом и, наконец, о вступлении на престол Павла I и его умерщвлении, и не велел мне никому о сём говорить...» [12, с. 59]. Для наследника престола, не достигшего пятнадцатилетнего возраста, это была часть не подлежащей огласке «потаенной истории», что не отменяло действительного характера ее «тайных пружин».

Для современников и участников поворотных событий характерно обостренное

внимание к интерпретации «роковых совпадений» — переломных моментов «на стыке» исторических циклов. 3 марта 1917 года, т. е. на следующий день после отречения Николая II, в ситуации общей неуверенности и тревоги, В. Шульгин задавался вопросом: «Много лет тому назад, 14 декабря 1825 года, были, как и теперь, — Николай и Михаил... Николай был государь. Михаил — его брат... Как и теперь... Как и теперь, разразился военный бунт... бунт декабристов... Что сделал Николай? Николай сказал: завтра я или мертв, или император...» [34, с. 274–275]. Историческая формула «aut Caesar aut nihil» была субъективно актуализирована в тот момент, когда внутренняя целостность исторического цикла оказалась под угрозой разрыва, а потому приобретала безальтернативный, хотя и «рекомендательный», характер.

Вслед за В. Н. Топоровым стоит обратить внимание на способы потенциального исторического «включения субъекта действия в переживаемую им ситуацию прошлого. В таких случаях он как бы "подставляет" себя в ту или иную схему, <...> отождествляет себя с соответствующим героем, вживается в ситуацию и переживает ее как свою собственную. Рекреация прецедента не только связывает субъекта действием (здесь и теперь) с тем, что б ы л о (и делает его как бы участником сценария, отраженного в тексте), но и, возможно, дает ему некоторые полномочия продолжать и развивать <...> событийную линию» [29, с. 349]. «Индивидуальный модус истории» допускал возможные ролевые смещения. Так, в момент убийства Павла I Леонтий Бенигсен буквально повторяет историческую фразу Цезаря: «Когда «князь [Платон] Зубов растерялся и уже хотел скрыться, увлекая за собою других; <...> к нему подошел генерал Бенигсен и, схватив его за руку, сказал: "Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступить? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!"» — Слова я эти слышал

впоследствии от самого Бенигсена» [33, с. 226]. Были это реальные слова, прозвучавшие в спальне императора, или невольная цитата возникла у Л. Бенигсена только в рассказе о событии и пришлось «к месту» в позднейшем пересказе — историческая «подстановка» фразы расширяла ситуативное видение ситуации.

Если Леонтию Бенигсену современниками отводилась роль Кассия («длинным Кассиусом» называл его Гете), наименее востребованной в событиях 11–12 марта оказалась роль исторического Брута. Ни граф П. А. Пален, «устроивший все чужими руками», ни слабовольный Платон Зубов не могли на нее претендовать. В исторической мизансцене ночи цареубийства среди заговорщиков наиболее «брутально» выделялась фигура Николая Зубова. Его прямолинейная грубость и жестокость, отмеченные всеми мемуаристами, послужили поводом к бессмысленному насилию над телом убитого императора. Тогда уже ничто не могло «удержать расшвиравших заговорщиков», их «бесславные удары», что представляло абсолютную параллель с отразившимися у Плутарха и Светония подробностями убийства Цезаря.

Однако «возвышающая» сила древнеримского примера оказалась показательно актуальной для реабилитации непосредственных участников цареубийства «в глазах общества». При этом субъективная логика сравнений определялась отнюдь не действительной степенью участия конкретных лиц в исходе дела. Подчеркнуто комплиментарно на фоне «благоприятного» завершения событий мартовской ночи выглядит оценка генералом Ф.-М. Клингером «исторической» роли Платона Зубова: «Eh bien, qu'est ce qu'on dit du changement? – Mon prince, on dit que vous avez été un des Romains» [33, с. 404]. (Итак, что же поговаривают о перемене? — Мой князь, говорят, что вы были одним из римлян — *фр.*).

В ориентированном на культурные подстрочники сознании современников самая

неожиданная роль оказалась отведена вел. кн. Константину Павловичу. (В отличие от брата Александра, его нельзя отнести не только к «лицам, замешанным в событии», т. е. к непосредственным участникам заговора, но даже к кругу проинформированных о заговоре лиц). Повод к этому давала интерпретация последних слов Цезаря, обращенных к Бруту. Обычно они приводятся в формулировке «Et tu, Brute?». Однако античные авторы приводят и иную версию последних слов Цезаря: «Καὶ σύ, τέκνον Βρούτε» (*др.-греч.*) / «Tu quoque, Brute, fili mi!» (*лат.*) / «И ты, дитя мое?..».

На возможное родство Цезаря и Брута указывают Плутарх (Сравнительные жизнеописания. Брут. 5) и Светоний (Жизнь двенадцати цезарей. Кн. 1. Божественный Юлий. 50:2; 82:2). Вероятность этого ставится под сомнение поздними исследователями, в частности, Гастоном Буассье [5], Гульельмо Ферреро, Анной Берне [3]. «Личный смысл» обращения Цезаря они либо связывают с неточностью толкования формы звательного падежа, либо причисляют высказывание к более поздним апокрифическим вставкам. Вместе с тем А. Берне авторитетно отмечает, что «пожалуй, не найдется другого исторического высказывания, толкователи которого извели бы столько же чернил, как это знаменитое “Brute, tu quoque, mi fili”...» [3, *комм.* 8, 86].

Именно «романтической» версии о родстве Цезаря и Брута придерживался Шекспир, а вслед за ним и большинство писателей нового времени — Вольтер («Смерть Цезаря», 1735), В. Альфьери (трагедия «Bruto Secondo» — «Брут Второй», 1787) и, наконец, Т. Уайльдер (роман «Мартовские иды», 1948). Для Витторио Альфьери, автора двух «Брутов», «историческая симметрия» поступков древних римлян оказывалась подкупающей не только в литературном, но и в «теоретическом» отношении. Его драматизированное и пафосное осуждение тирании предвосхищало развитие идейных течений «Молодой Италии» и Рисорджименто

(во имя республиканских идеалов Луций Юний Брут отдает распоряжение о казни своих сыновей, а Марк Юний Брут — совершает убийство отца).

В последующей рецепции истории гибели Цезаря его родство с Брутом допускало более сложный (точнее, — более личный) план. Именно поэтому следует специально остановиться на передаче современниками подробностей цареубийства в Михайловском замке, в которых оказался акцентирован параллелизм последних слов Цезаря и Павла I. Вспоминая свой разговор с Л. Бенигсеном о подробностях ночи 11–12 марта, А. Ланжерон с его слов отметит: «Убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы, и, увидав одного офицера конной гвардии, приблизительно одного роста с великим князем Константином, он принял его за сына и сказал ему, как Цезарь Бруту: “Как! и ваше высочество здесь”. (Это слово “высочество” очень необычайно при подобных обстоятельствах). Итак, несчастный государь умер, убежденный, что его сын был одним из его убийц, и это страшное сознание еще более отравило его последние минуты» [33, с. 146]. Еще более близкой классическим текстам оказывается версия события в пересказе А. Коцебу: «...Увидав красный конно-гвардейский мундир одного из заговорщиков и приняв последнего за сына своего Константина, император в ужасе закричал: “Ваше высочество, пощадите! воздуху! воздуху!”...». [33, с. 228] (в 1800 г. Павел I сам назначил цесаревича Константина шефом этого полка). Параллелизм последних слов Цезаря и Павла I в рассказах современников оказывается подчеркнуто акцентирован, и потому именно эта версия финальной сцены мартовской трагедии в массовом сознании получает свое «историческое» закрепление. Условленную тональность имевших широкое хождение слухов, суждений и толков иллюстрирует воспоминание Елизаветы Янковой: «Там как угодно, верь не верь, а недаром же была эта комета,

и не прошла она без бедствия. Когда она увеличилась до больших размеров, то сделалась очень ярка, и загнутый хвост, который шел вниз трубою, был предлинный и такой же яркий, как и она сама; и потом она стала все бледнеть, меркнуть и так совсем выцвела, исчезла. Тогда, помнится, говорили, что эта комета не совсем новая, а была уже видна до Рождества Христова при Юлие Кесаре...» [35, с. 117].

Оценка трагических событий нередко приобретает символический характер. Федор Степун утверждал, что «готовящиеся в истории сдвиги всегда пророчески намечаются в искусстве». Применительно к последним годам царствования Александра II эту мысль развивал Вел. Кн. Александр Михайлович: «Идея царевубийства носилась в воздухе. Никто не чувствовал ее острее, чем Ф. М. Достоевский, на произведения которого теперь можно смотреть, как на удивительные пророчества <...>. Незадолго до его смерти, в январе 1881 г., Достоевский в разговоре с издателем «Нового времени» А. С. Сувориным заметил с необычайной искренностью: Вам кажется, что в моем последнем романе “Братья Карамазовы” было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алеша уйдет из монастыря и сделается анархистом. И мой чистый Алеша — убьет Царя...» [27, с. 42].

На следующий день после трагедии на Екатерининском канале граф П. А. Валуев напишет в дневнике: «Мартовские иды!» [7, с. 148]. Античный масштаб события будет особенно очевиден по отношению к измельчавшему общественному фону: «Жалки наши государственные фарисеи. <...> Впрочем, им не под стать событие 1 марта...». А. Бенуа сознательно уточнит эту дату по григорианскому стилю: «катастрофа 1-го (по новому стилю 13-го) марта 1881 г.» [2, с. 382].

Субъективные опыты построения символической хронологии обращают внимание на характер «странных сближений», особы внимательны к тому, что происходит в истории «незаметным образом». Это имел в виду

Гете, утверждая что «написать историю — значит сойти с плеч прошлого и увидеть себя и жизнь лицом к лицу». Для современников последнего царствования не пройдет незамеченным совпадение «мартовских вех» в судьбе Павла I, Александра II и Николая II, в которых внутренний ритм семейной хроники «от деда к внуку» повторится дважды. Годы спустя, в эмиграции, подруга императрицы Юлия фон Ден («Лили») в своих воспоминаниях будет говорить об этих днях, невольно используя цитату из трагедии Шекспира: «Наступило первое марта — месяц, роковой для Дома Романовых, поистине можно было сказать: “Бойся мартовских ид!”» <...> Марту 1917 года суждено было стать свидетелем падения Династии...» [10, с. 148].

В переломный для российской истории год понятие «иды» витало в сознании людей по «обе стороны» общественного раскола. В своей обстоятельной хронике марта 1917 г. С. П. Мельгунов особо отметит новоявленных «кандидатов» в царевубийцы и укажет на проекты дворцового переворота, планировавшегося «на мартовские иды» [19, с. 148] (в доступные переиздания книги С. П. Мельгунова — Изд-ва «Вече» (2006) и «Айрис-пресс» (2008) — вкралось некорректное разночтение по отношению к парижскому тексту: замена «иды» на «дни» — Л. Л.]. Для современников событий, приобретавших все в большей степени необратимый характер, месяц Март связывался с убийством Павла I, с ранением и трагической кончиной Александра II, с неудавшимся покушением на Александра III. Это был тот ассоциативный фон, на котором наиболее обостренно формировалось ощущение надвигающейся революционной волны. Характерна запись В. В. Шульгина о начале серьезных массовых беспорядков в Петрограде: «Это надо запомнить. 1 марта вечером...» [34, с. 229]. Присутствуя на следующий день при подписании Николаем II акта об отречении, он попутно отметит: «когда это случилось, у меня мелькнула мысль: “Как хорошо, что было 2-е марта, а не 1-е”...» [21, с. 172].

На железнодорожной станции губернского Пскова последнего российского императора окружал заговор безымянного отступничества — без персонального списка, без личной ответственности участников: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!..». Продолжением этого многократно цитировавшегося дневникового признания станет запись, сделанная Николаем II на следующий день, 3 марта: «Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре...» [20, с. 625].

Этой записью замыкался некий символический круг: «имперский цикл» мировой истории свершился. Подтверждением смутных догадок современников станут ближайшие события — падение последних империй

и уход с политической арены крупнейших исторических династий: Романовых (1613–1917), Габсбургов (1282–1918), Гогенцоллернов (1415–1918), Османов (1300–1922). «Aut Caesar, aut nihil»...

Отречение Николая II произошло в марте — том самом месяце, в котором первый представитель династии когда-то был призван на царство. Подписание Манифеста 2 марта, т. е. 15 марта по Григорианскому календарю, станет абсолютным совпадением с днем убийства Цезаря — мартовскими идами 44 г. до Р. Х.

Сместились времена. Окончательно смешались «календы», «иды», «ноны»... Лишь по инерции — волею судеб — до февраля 1918 года Россия продолжала жить по Юлианскому стилю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акиндинова Т. А. Опыт эстетической аналитики социокультурного ритма в истории: различие и повторение // Социальная аналитика ритма: Сб. материалов конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. (Серия «Symposium»; Вып. 13). С. 7–16.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 кн. 2-е изд. М.: Наука, 1990. Т. I. Кн. 1–3. 711 с.
3. Берне А. Брут: Убийца-идеалист / Пер. с фр. Е. В. Головиной]. М.: Молодая гвардия, 2004.
4. Бокова В. М. Переворот 11 марта 1801 г. и русское общество // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1987. № 4. С. 42–52.
5. Буассье Г. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря / Пер. Н. Н. Спиридонова. М., 1914. 381 с.
6. Быстрицкий Е. К. Концепция понимания в исторической школе философии истории // Вопросы философии. 1982. № 11. С. 142–149.
7. Валуев П. А. Дневник. 1877–1884 / Ред. и прим. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг.: Былое, 1919. 311 с.
8. Вахрушев В. С. Об истории с эстетической точки зрения // Российский исторический журнал. 1996. № 1(9). С. 11–16.
9. Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1975. Т. VII. С. 468.
10. Ден Ю. А. Подлинная царица: [об императрице Александре Федоровне]. М.: Вече, 2009. 295.
11. Дронова Т. И. Рецептивная «эстетика истории» Д. С. Мережковского // Известия Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. 2007. Серия 5: Филология. Журналистика. Т. 7. Вып 2. С. 45–52.
12. Захарова Л. [Г.] Дневник цесаревича // Родина. 1993. № 1. С. 54–59.
13. Исупов К. Г. Вненаходимость комментатора // Российская словесность: Эстетика, теория, история: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Б. Ф. Егорова. 12–15 апреля 2006. СПб.; Самара: Изд-во. СПбГУ, 2007. С. 33–42.
14. Исупов К. Г. «Историческая эстетика» А. И. Герцена // Русская литература. 1995. № 2. С. 32–46.
15. Исупов К. Г. История как художество. (К анализу творчества В. О. Ключевского) // Русская философия. Новые исследования и материалы. Проблемы методологии и методики. СПб.:

- Издательско-торговый дом «Летний сад», Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 296–309.
16. *Исупов К. Г.* Русская эстетика истории. СПб.: Изд-во ВКГ, 1992. 155 с.
 17. *Исупов К. Г.* Русская эстетика истории как национальная герменевтика // Герменевтика в России. М.; СПб.; Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. С. 120.
 18. *Исупов К. Г.* У истоков европейской эстетики истории // Вестник Челябинского ун-та. Серия 2: Филология. 1994. Вып. 1. С. 15–21.
 19. *Мельгунов С. П.* Мартовские дни 1917 года. Париж: Éd. réunis, 1961. 453 с.
 20. *Николай II.* Дневники императора Николая II. М.: Польско-сов. изд.-полигр. о-во «ORBITA». Моск. фил. 1992. 736 с.
 21. Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы: Сб. Репринтное воспроизведение издания 1927 г. М.: Советский писатель, 1990. 253 с.
 22. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006. 446 с.
 23. *Плеханов Г. [В.]* Мартовские иды // Искра: В 7 вып. Перепечатка: «Искра» № 1–52. Декабрь 1900 — ноябрь 1903 г. Полный текст / Под ред. и предисл. П. [Н.] Лепешинского; Вст. ст. Н. [К.] Крупской. Л.: Прибой, 1928. Вып. V (№ 31–37).
 24. *Ралли З. К.* Из воспоминаний З. К. Ралли / Предисл. и примеч. М. Клевенского // Революционное движение 1860 годов: Сборник / Под ред. Б. И. Горева и Б. П. Козьмина. М.: Изд-во Все-союзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. С. 135–146.
 25. *Розанов В. В.* Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. I: Религия и культура.
 26. *Розанов В. В.* Эстетическое понимание истории // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей, 1891–1917 гг.: Антология: В 2 кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. I. С. 27–122.
 27. *Романов А. М.* Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М.: Современник, 1991. 270 с.
 28. *Сериков А. Е.* Ритмическая организация социальной реальности // Mixtura verborum' 2005: Сб. статей / Под общ. ред. С. А. Лишаева. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2005. С. 110–116.
 29. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / Ред. В. П. Руднев. М.: Прогресс. Культура, 1994. 621 с.
 30. *Троицкий Ю. Л.* Эгоистория // Дискурс: Коммуникация. Образование. Культура. 1996. № 1. С. 85–87.
 31. *Троицкий Ю. Л.* Эгоистория как биографический код: векторы самоидентификации // Гуманитарная наука сегодня. М.; Калуга, 2006. С. 206–216.
 32. *Успенский Вл. А.* Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование [III] // Лотмановский сборник: [Памяти Ю. М. Лотмана] / Тарт. ун-т, каф. рус. лит., каф. семиотики, РГГУ, Ин-т высш. гуманитар. исслед. Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. Т. 1. С. 99–127.
 33. Цареубийство 11 марта 1801 года: [Записки участников и современников убийства Павла I]. Репринтное воспроизведение изд. 1907 г. М.: СП «Вся Москва»: Изд. объединен. «Культура», 1990. 375 с.
 34. *Шульгин В. В.* Дни. 1920: Записки / Сост. и авт. вст. ст. Д. А. Жуков; коммент. Ю. В. Мухачева. М.: Современник, 1989. 557 с.
 35. *Янькова Е. П.* Рассказы бабушки: [Рассказы Е. П. Яньковой]: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, Лен. отделен., 1989. 471 с.

REFERENCES

1. *Akindinova T. A.* Opyt esteticheskoy analitiki sotsiokul'turnogo ritma v istorii: razlichie i povtorenie // Sotsial'naja analitika ritma: [Sb. materialov konf.]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva, 2001. (Serija «Symposium»; Vyp. 13). S. 7–16.

2. *Benua A. N.* Moi vospominanija: V 5 kn. 2-e izd. M.: Nauka, 1990. T. I. Kn. 1–3. 711 s.
3. *Berne A.* Brut: Ubijtsa-idealista. M.: Molodaja gvardija, 2004. 418 s.
4. *Bokova V. M.* Perevorot 11 marta 1801 g. i russkoe obshchestvo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 1987. № 4. S. 42–52.
5. *Buas'e G.* Tsitseron i ego druž'ja: Ocherk o rimskom obvestve vremen Tsezarja / Perev. N. N. Spiridonova. M.: K. N. Nikolaev, 1914. 381 s.
6. *Bystritskij E. K.* Kontsepcija ponimanija v istoricheskoj shkole filosofii istorii // Voprosy filosofii. 1982. № 11. S. 142–149.
7. *Valuev P. A.* Dnevnik. 1877–1884 / Red. i prim. V. Ja. Jakovleva-Bogucharskogo i P. E. wegoleva. Pg.: Byloe, 1919. 311 s.
8. *Vahrushev V. S.* Ob istorii s esteticheskoy tochki zrenija // Rossijskij istoricheskij zhurnal. 1996. № 1(9). S. 11–16.
9. *Gertsen A. I.* Sobr. soch.: V 8 t. M.: Pravda, 1975. T. VII. S. 468.
10. *Den Ju. A.* Podlinnaja tsaritsa: [ob imperatritse Aleksandre Fedorovne]. M: Veche, 2009. 295 s.
11. *Dronova T. I.* Retseptivnaja «estetika istorii» D. S. Merezhkovskogo // Izvestija Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. 2007. Serija 5: Filologija. Zhurnalistika. T. 7. Vyp 2. S. 45–52.
12. *Zaharova L. [G.]* Dnevnik tsesarevicha // Rodina. 1993. № 1. S. 54–59.
13. *Isupov K. G.* Vnenahodimost' kommentatora // Rossijskaja slovesnost': Estetika, teorija, istorija: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii, posvjashchennoj 80-letiju prof. B. F. Egorova. 12–15 aprelja 2006. SPb.; Samara: Izd. SPbGU, 2007. S. 33–42.
14. *Isupov K. G.* «Istoricheskaja estetika» A. I. Gertsena // Russkaja literatura. 1995. № 2. S. 32–46.
15. *Isupov K. G.* Istorija kak hudozhestvo. (K analizu tvorchestva V. O. Ključevskogo) // Russkaja filosofija. Novye issledovanija i materialy. Problemy metodologii i metodiki. SPb.: Izdatel'sko-torgovyj dom «Letnij sad», Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2001. S. 296–309.
16. *Isupov K. G.* Russkaja estetika istorii. SPb.: Izd-vo VKG, 1992. 155 s.
17. *Isupov K. G.* Russkaja estetika istorii kak natsional'naja germenevtika // Germenevtika v Rossii. M.; SPb.; Voronezh: Izd-vo Voronedskogo universiteta, 2002. S. 120.
18. *Isupov K. G.* U istokov evropejskoj estetiki istorii // Vestnik Cheljabinskogo un-ta. Serija 2. Filologija. 1994. Vyp. 1. S. 15–21.
19. *Mel'gunov S. P.* Martovskie dni 1917 goda. Parizh: Éd. réunis, 1961. 453 s.
20. *Nikolaj II.* Dnevnik imperatora Nikolaja II. M.: Pol'sko-sov. izd.-poligr. o-vo «ORBITA». Mosk. fil. 1992. 736 s.
21. *Otrechenie Nikolaja II: Vospominanija ochevidtsev, dokumenty: Sb. Reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1927 g. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 253 s.*
22. *Pantin V. I., Lapkin V. V.* Filosofija istoricheskogo prognozirovanija: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiya v pervoj polovine XXI veka. Dubna: Feniks+, 2006. 446 s.
23. *Plehanov G. [V.]* Martovskie idy // Iskra: V 7 vyp. Perepechatka: «Iskra» № 1–52. Dekabr' 1900 — nojabr' 1903 g. Polnyj tekst / Pod red. i pred. P. [N.] Lepeshinskogo; Vst. st. N. [K.] Krupskoj. L.: Priboj, 1928. Vyp. V (№ 31–37). S. 117–119, 142.
24. *Ralli Z. K.* Iz vospominanij Z. K. Ralli / Pred. i prim. M. Klevenskogo // Revoljucionnoe dvizhenie 1860 godov: Sbornik / Pod red. B. I. Goreva i B. P. Koz'mina. M.: Izdatel'stvo Vsesojuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1932. S. 135–146.
25. *Rozanov V. V.* Soch.: V 2 t. Religija i kul'tura. M.: Pravda, 1990. T. I. 635 s.
26. *Rozanov V. V.* Esteticheskoe ponimanie istorii // K. N. Leont'ev: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'eva v otsenke russkikh myslitelej i issledovatelej, 1891–1917 gg.: Antologija: [V 2 kn.]. SPb.: Izd-vo RHGI, 1995. Kn. I. S. 27–122.
27. *Romanov A. M.* Kniga vospominanij / Pred. i komm. A. Vinogradova. M.: Sovremennik, 1991. 270 s.
28. *Serikov A. E.* Ritmicheskaja organizatsija sotsial'noj real'nosti // Mixtura verborum' 2005: Sbornik statej. Samara: Izd-vo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2005. S. 110–116.
29. *Toporov V. N.* Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovanija v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. M.: Progress. Kul'tura, 1994. 621 s.

-
30. *Troitskij Ju. L.* Egoistorija // Diskurs: Kommunikatsija. Obrazovanie. Kul'tura. 1996. № 1. S. 85–87.
 31. *Troickij Ju. L.* Egoistorija kak biograficheskij kod: vektory samoidentifikatsii // Gumanitarnaja nauka segodnja. M.; Kaluga, 2006. S. 206–216.
 32. *Uspenskij Vl. A.* Progulki s Lotmanom i vtorichnoe modelirovanie [III] // Lotmanovskij sbornik: [Pamjati Ju. M. Lotmana] / Tart. un-t, raf. rus. lit., raf. semiotiki, RGGU, In-t vyssh. gumanit. issled. M.: ITs-Garant, 1995. S. 99–127.
 33. Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda: [Zapiski uchastnikov i sovremennikov ubijstva Pavla I]. Reprintnoe vosproizvedenie izd. 1907 g. M.: SP «Vsja Moskva»: Izdatel'skoe objedinenie «Kul'tura», 1990. 375 s.
 34. *Shul'gin V. V.* Dni. 1920: Zapiski / Sost. i avt. vst. st. D. A. Zhukov; Komm. Ju. V. Muhacheva. M.: Sovremennik, 1989. 557 s.
 35. *Jan'kova E. P.* Rasskazy babushki: [Rasskazy E. P. Jan'kovej]: Iz vospominanij pjati pokolenij, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo. L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1989. 471 s.